

УДК 94(47).084.8

Д.Ю.Асташкин

ОБРАЗ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В ПОСЛЕВОЕННОЙ НОВГОРОДСКОЙ ПЕЧАТИ

Гуманитарный институт НовГУ, т. 89116106578

The topic of fascist occupation in Novgorod press of 1944 — 1950 is researched in this article. The materials of the regional newspaper «Novgorodskaya Pravda» and other local newspapers are deeply analysed. Typology, scheme of productions and specific character of the occupation materials are shown. Also impact on the audience is considered. The conclusion is that this process is typical of all the Soviet Union propaganda system of that time.

Ключевые слова: оккупанты, «Новгородская правда», образ врага

Середина XX в. с ее сложной внешнеполитической обстановкой оказалась для советской прессы периодом смены идеологем. Чтобы и после победного окончания Великой Отечественной войны адекватно выполнять диктуемые государством пропагандистские задачи, СМИ должны были вовремя менять свою систему приоритетов в изображении «врагов» и «друзей» соответственно курсу внешней политики СССР.

«Образ врага» — идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества. Образ врага является важнейшим элементом «психологической войны», представляющей собой целенаправленное и планомерное использование пропаганды в числе прочих средств давления для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и поведение противника, союзников и своего населения с целью заставить их действовать в удобных для правительства направлениях [1].

Образ немецко-фашистских оккупантов активно использовался в послевоенной печати. У аудитории, могущей быть недовольной послевоенной разрухой, активно формировалось представление: «Оккупанты уничтожали, советская власть строит». Особенно актуальным и нужным такое идеологическое воздействие было для регионов СССР, долгое время находившихся под немецко-фашистской оккупацией и под влиянием антисоветской пропаганды. В качестве типичного примера рассмотрим Новгородскую область.

Образованная 5 июля 1944 г. Новгородская область нуждалась в областной системе СМИ, способной стать значимой частью структуры областной пропаганды и контрпропаганды. Ведь население оккупированных районов испытало на себе действие вражеской агитации, которая продолжалась даже после освобождения территории советскими войсками. В этом отношении знаковой может считаться записка (под грифом «строго секретно») секретаря обкома ВКП(б) И.Т.Иванкина от 29 июля 1944 г., адресованная секретарям райкомов ВКП(б): «Обком ВКП(б) располагает материалами (здесь и далее во всех цитируемых источниках орфография и пунктуация ориги-

нала. — Д.А.), свидетельствующими о наличии в районах области, особенно в районах освобожденных от немецкой оккупации антисоветской и антиколхозных настроений среди отдельных граждан и об организации подрывной работы среди фашистской агентуры».

Обозначив серьезность утраты идеологического приоритета, Новгородский обком предлагал вариант решения проблемы: «...Разоблачать разбойничью политику фашистской Германии используя общий и местный материал о злодеяниях немецких захватчиков на оккупированной территории. На местных фактах и материалах показывать последствия хозяйничанья немцев в Новгородской области и районе» [2]. Эти предложения проводились в жизнь всей системой областной пропаганды. Так, в списке основных задач районного радиовещания значилось: «усилить политическую заостренность передаваемого материала, сильнее разжигать ненависть к врагу» [3]. Важным каналом пропаганды была местная печать, так что негативный образ оккупантов воссоздавался во многих материалах областной «Новгородской правды» и районных газет.

Надо отметить, что статьи районных газет о борьбе с оккупантами были довольно разнообразными по стилю и форм, что усиливало пропагандистский эффект. Например, в газете Дрегельского района «Сталинец» была помещена заметка «Простой боец» [4], повествующая о рядовом Васильеве. В тексте постоянно обозначается мотивация борьбы против оккупантов: «Невыразимая злоба охватила Ваню Васильева, когда он впервые увидел сожженным село на пригорке, похожем на тот, на котором расположено его родное Никулино.

— Сволочи, — процедил он сквозь зубы. — Если их не бить, то они тоже самое сделают и с моей деревней». Сами немецко-фашистские оккупанты представляли в тексте крайне нелюбимыми: «В зеленых шинелях, ползающие по земле, они казались ему большими скользкими червями». И далее: « — Раздавай гадину! — кричал он, бросаясь в атаку и разя огнем автомата алчных пруссаков и боваров, жаждущих разбоя и грабежа».

Победа 1945 г. изменила систему идеологических приоритетов областных СМИ, и в последующие

годы образ немецко-фашистского врага в районных газетах и на районном радиовещании упоминается и вовсе лишь в контексте материалов о восстановлении народного хозяйства и праздниках (23 февраля, 9 мая, годовщина освобождения района и т.д.). Отходят от фронтовой тематики и газеты предприятий («многотиражки»). В деловой переписке партийных органов с редакциями газет районного уровня также почти прекращается упоминание материалов о немецко-фашистской оккупации.

Но хоть количество публикаций об оккупантах в послевоенной районной прессе и сократилось, их качество возросло. Рассмотрим это на примере статьи «В неволе» [5] газеты Поддорского района «Большевицкое знамя» от 21 октября 1945 г. Она основана на литературно обработанных интервью с репатрированными советскими гражданами, подробно рассказывающими об угоне их в Германию и работе там. Негативный образ немецко-фашистских захватчиков предстает уже с первых строк: «Дверь резко открылась. Вместе с клубами пара в избу ввалились немецкие солдаты и на ломаном русском языке забормотали: «Рус, собирайсь. Скоро собирайсь... Два часа собирайсь». Их жадные глаза поволчь обшаривали стены, углы... В который раз? Куда собираться, зачем — мы не знали. Но сердце билось тревожно, страх вызывал мелкую частую дрожь. Охраняемые хорошо вооруженными немецкими палачами мы пошли в неведомый путь. Прощай, Родина!..».

Немцы предстают в тексте крайне жестокими — даже по отношению к детям: «К плачущим детям применялись такие меры воздействия, до каких не может додуматься здравомыслящий человек, сердцу которого доступно родительское чувство: детей «переводили» в другие вагоны, отдельно от родителей, а по дороге эти вагоны отцеплялись».

Сама Германия в тексте характеризуется крайне негативно: «Прибыли в страну, где изобретались мучения людей, рождалось и расплодилось по Европе зло — проклятую Германию»; «Силезия... Бреславль... Изверги чувствовали себя развязно: ведь они находились на той земле, откуда ползли фашистские орды, чтобы покорить весь мир, они находились в стране, где получали специальность заплечных дел мастеров, грабителей, детоубийц»; «Родина человеческого позора — Германия».

Несомненный интерес представляет собой характеристика немецкой пропаганды. Вот как оценивалась печать: «Ежедневно с астрономической точностью нам доставлялись выпускаемые газеты — отравка, которой рассчитывали убить в нас любовь к Отечеству». Более подробно интервьюируемые отзывались о немецкой кинопропаганде: «Ограбленных, оставленных в лохмотьях людей кинооператоры снимали на киноплёнку, а потом эти фильмы демонстрировались. Тупоумные немцы смотрели на эти вымышленные картины, где показывалось по выражению грабителей, «большевицкое богатство», с восхищением. Изнуренных непосильным трудом мучеников сгоняли насильно смотреть эти фильмы. Что может быть омерзительнее, когда бандиты показывают результаты своего «труда» жертве, которая ими обречена на медленную мученическую смерть?»

Немцы постоянно сравниваются с животными: «Вдоль остановившегося поезда громко стучали кованные немецкие сапоги и слышалась хрипая, похожая на лай простудившейся собаки, речь. Останавливаясь около вагонов конвоиры подавали на кончиках штыков жалкое подобие хлеба — скудный невольничий паек. Двулапые звери при этих процедурах неминуемо гигикали».

Что интересно, в тексте также упоминается, что и сами немцы относились к советским гражданам, как к животным: «Для всех нас было одно имя: рус швайн. И, действительно, с нами обращались как с животными». Возникает сложная пропагандистская схема: немцы называются животными за то, что они относятся к людям, как к животным.

Немцы упоминаются также как палачи, грабители, детоубийцы, разбойники, вандалы. Согласно тексту, они очень трусливы в своей сущности: «Вчерашние заплечных дел мастера, палачи, получившие от фюрера за жестокость и кровожадность награды стали смиренными как овечки. Куда отлетела фашистская храбрость! Фрау и прочая нечисть смотрели на вчерашние жертвы заискивающе. Их пугала неминуемая расплата за все их злодеяния, страдания, муки, слезы, кровь. Они корчились под колкими, прожигающими взглядами освободителей и освобожденных».

Тем не менее, с 1945 г. регулярные публикации о немецко-фашистских захватчиках проходили лишь на страницах единственной областной газеты «Новгородская правда». Ценность этого информационного канала была довольно высока для всего населения области, так как газета размещала материалы об областных, союзных и международных событиях, публиковала материалы центральной «Правды», ТАСС, районных газет, тезисы докладов для агитаторов. При большом тираже (от 40 до 50 тыс. экз.) ее аудитория еще расширялась за счет сорокаминутных обзоров свежих номеров газеты по областному радио пять раз в неделю. Выпуск пяти номеров в неделю на достаточно большой площади (две полосы формата А2 до февраля 1947 г. и четыре полосы того же формата после) позволял редакции оперативно и полномасштабно освещать любое событие в области, СССР и мире.

С первых номеров (август 1944 г.) и на всем протяжении послевоенного периода «Новгородская правда» активно формировала у читателей негативный образ оккупантов, положительный образ советского строя, советской администрации и, в особенности, колхозной системы (так как оккупанты использовали недовольство коллективизацией в своей пропаганде). В материалах газеты, посвященных восстановлению Новгородской области, поступки оккупантов противопоставлялись деятельности советских строителей и реставраторов. Так, в статье А. Виннера «Никольский собор на Ярославовом дворище» [6] рассказывалось об архитектурном памятнике по следующей схеме: описание значения и история памятника — надругательство оккупантов над памятником — реставрация памятника совместно с его научными исследованиями.

«Новгородская правда» регулярно информировала аудиторию о ходе Нюрнбергского процесса, публиковала речи обвинителей, протоколы допросов, комментарии. Как правило, это были сообщения корреспондентов ТАСС. Тем не менее, публиковались и новгородские материалы о процессе. Таков, например, рассказ «Ненависть» [7]. Начинается он как эссе, со всей присущей этому жанру риторикой и экспрессией: «И вот сейчас, облеченные высоким доверием всего прогрессивного человечества, судьи международного трибунала в Нюрнберге вершат правый и святой суд над кровавой бандой невиданных еще в истории преступников. Вот они, пронумерованные, посаженные на скамью подсудимых, по какой-то роковой ошибке природы получившие при рождении человеческий облик. Не люди это! Звери!». В этом вступлении содержится основной посыл текста: немецко-фашистских захватчиков ждет справедливая кара.

Образ немецко-фашистского врага использовался даже в предвыборной агитации. Так, в газете Поддорского района «Большевистское знамя» от 1 января 1946 г. была опубликована статья «В Жарках» [8], совмещающая предвыборную агитацию с рассказом о партизанах и оккупантах. Текст начинается радужным описанием довоенной жизни, сменившейся войной: «Но в 1941 году эту радостную, счастливую жизнь захотели вырвать немцы из рук советских людей. Грозной лавиной лезли на нашу Родину озверелые паразиты». Далее оккупанты сравниваются с насекомыми: «Немцы рассыпались, как саранча по всей деревне, из изб выгоняли жителей раздетыми, разутыми в декабрьский морозный день. Имущество сельчан разрывали, ценные вещи грабили». Примечательна характеристика местных коллаборационистов: «Но в местности нашлись и продажные души. Потеряв весь человеческий облик, они выдали жарковских патриотов немецким палачам». Статья заканчивается кратким описанием восстановления хозяйства и призывом идти на выборы: «Вновь процветает жизнь во всех уголках, ранее временно бывших оккупированных немецкими варварами. Все советские люди готовятся к выборам в Верховный совет СССР. Упорным трудом, высокими показателями на трудовом посту ознаменуют историческую дату 10 февраля. Отдадут свои голоса за лучших сынов и дочерей родины, за счастливую будущую жизнь, за цветущее молодое поколение».

Иногда «Новгородская правда» помещала рядом на полосе (полосах) несколько материалов на одну и ту же тему конкретных злодеяний немецко-фашистских оккупантов. Как правило, это были публикации в разных стилях и жанрах, взаимно дополнявшие и усиливавшие эффект друг друга. Например, комплексные публикации о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков у деревни Жестяная Горка были призваны морально подготовить новгородскую аудиторию к открытому процессу над оккупантами, выступить катализатором общественного интереса. Сам процесс, проходивший в декабре 1947 г. в Новгороде, также освещался «Новгородской правдой» во всех подробностях. Причем публикация документов

(например, обвинительного заключения) перемежалась эмоциональными репортажами корреспондентов, рисовавших отвратительный образ немецко-фашистских захватчиков. Вот как они назывались в рамках только одной статьи: «озверевшие фашистские выкормыши», «убийцы и насильники», «фашистские варвары», «изверги», «немецко-фашистские мерзавцы», «матерые гитлеровские разбойники» [9]. Для формирования негативного образа используется описание внешности подсудимых: «Исподлобья, маленькими заплывшими глазами смотрит куда-то в сторону Рупперхт Фридрих, когда председательствующий, читая обвинительное заключение раскрывает его зверства. Этот баварец с массивными челюстями гориллы полностью воплотил в своем физическом и нравственном облике известное желание Гитлера — видеть в каждом немце дикого зверя. И он таким был на самом деле» [10].

Всего в «Новгородской правде» с 7 по 21 декабря 1947 г. об открытом процессе в Новгороде вышло десять объемных статей с шестью карикатурами на подсудимых. Все они, как и сам процесс, были направлены на формирование негативного образа немецко-фашистской оккупации у советского населения. В целом, население Новгорода поддерживало обвинение: «УМГБ подробно информировало центр о настроении населения в ходе заседаний, и, в частности, отмечало, что подавляющее большинство положительно реагирует на процесс, выражая удовлетворение деятельностью органов советской власти, сумевшей разыскать преступников среди массы военнопленных» [11].

Уже к 50-м годам образ немецко-фашистских оккупантов в новгородской прессе отошел на второй план, уступая публикациям, которые изобличали англо-американских империалистов. Причем зачастую оккупанты и империалисты позиционировались как звенья одной цепи: англо-американский блок как бы становился преемником агрессивных взглядов фашистской Германии. Как правило, все идеологические кампании по изобличению врага полноценно проходили на уровне не ниже областной прессы, так как у районных газет были скорее локальные задачи. Областная пресса же удачно совмещала международную, общесоюзную, областную и районную информацию, что позволяло ей выступать в качестве удобного инструмента пропаганды.

1. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 — 1954 гг. — <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИО). Ф.260. Оп.1. Д.32. Л.25.
3. Там же. Д.128. Л.8.
4. Там же. Оп.3. Д.302. Л.66.
5. Там же. Д.295. Л.16.
6. Новгородская правда. 25 октября 1944 г.
7. Новгородская правда. 25 декабря 1945 г.
8. ГАНИО. Ф.260. Оп.3. Д.295. Л.16.
9. Новгородская правда. 9 декабря 1947 г.
10. Там же.
11. Юшкевич В.В. Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы: 1945 — 1953 гг. М.; В. Новгород, 2002. С.81.